

ЧЕМУ УЧИТ ИСТОРИЯ?

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО Л.П. Буева, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН И.В. Егорова.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. В середине XVI в. французский король Генрих II был абсолютно убежден в незыблемости королевской власти. Венецианские послы постоянно уверяли своих владык в том, что ни одного правителя в мире подданные не чтят так, как французского короля. Полная гармония царит между ним и его подданными. Причем эта идиллия сложилась без всякого насилия. Не было ни казней, ни массовых арестов. Народ восторгался правителем, а королю не приходилось принуждать их к подчинению. Люди понимали, что королевская власть священна. Это единение выражалось символически в фигуре Геркулеса, из уст которого к ушам государевых подданных протягиваются цепи. В чем суть композиции?

Слово владыки рождает восторженное и абсолютное повиновение. Год спустя в Англии выходит сочинение Т. Гоббса «Левиафан». На обложке книги король изображен в виде огромного тела, в которое впечатаны тела подданных. Смысл прост: обезглавить короля невозможно, это самоубийственный акт: король — это общество. Но в конце XVIII в. французский король Людовик XVI испугался радикальных мер революционеров и даже пытался бежать из страны. Он был пойман, предан суду Конвента и вскоре казнен на гильотине. Анализируя феномен казни короля, французский философ М. Фуко делает вывод: для той эпохи король больше не сакрален. «Чернь взглянула прямо в лицо короля и не умерла».

Что же случилось с королевской властью, которая была священной, а затем была растоптана? Об этом написано множество исторических и философских трудов. Но стала ли казнь короля историческим уроком для ливийского лидера Каддафи или для его народа? Сам он слишком долго оставался у власти. Но и казнь его оказалась зловещей. Лидера Джамахирии унижали, пытали и даже насильовали.

Начнем с классических вопросов:

- 1. Чему учит история человечества?**
- 2. Как можно учесть ее уроки?**
- 3. Можно ли говорить о логике исторического процесса?**

Буева Л. У пчелиного роя нет истории. Поэтому нет и поучений, осмысления собственной судьбы. Пришли морозы — пчелы погибли. Некому изложить и передать другим роям печальную историю. Шел человек мимо муравейника и бросил папиросу. От муравейника остался лишь пепел. А какая кипучая жизнь кипела у мурашей! Многие из них сновали ради сладкой капельки, которую они несли в муравьиный общак. Нам очень хотелось бы знать, за что порой изгоняют из дружного коллектива несчастного мураша? Что за наваждение, чем он не угодил общей колонии? У людей иначе. У них есть историческая память. Так называется пакет передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, размышлений о прожитом. «Да ведают потомки...» Недаром Господь Бог поставил нас свидетелями долгих лет. Разумеется, транслируются не только подлинные наблюдения и оценки. Рождаются мифы, которые тоже кочуют в веках. Господствуют и субъективные свидетельства и оценки. В прошлом получают рождение многие социальные мифы. Однако негативный опыт анализируется с особой тщательностью. Как избежать ошибок прошлого? Как добиться аналитического осмысления прожитого? Как извлечь полезные уроки из того, что было испытано

предками? Возможно ли это в принципе или каждое новое поколение, как считал, к примеру, Артур Шопенгауэр, оказывается заложником собственного социального и жизненного опыта? Он был против войны как катастрофического события. Но что делать? Взрослеет новое поколение, не испытавшее бедствий, и вновь начинает поигрывать мускулами...

Егорова И. Сначала хочу отметить, что писать о прошлом — поразительная человеческая потребность. Казалось бы, кого могут волновать рассказы о той жизни, которая давно исчезла и не оставила следа? Зачем нам наскальные рисунки древних людей, если теперь у нас есть полотна Рубенса или Репина? К чему вспоминать римские тирании, когда человечество сегодня следит за неумолимой экспансией демократии? Люди, особенно в наши дни, живут сиюминутными впечатлениями и интересами. Агентам потребительского общества мнится, что наши предки жили убого — без телевизора, гаджетов, сотовых телефонов. Наши современники готовы узнать кое-что о прошлом, но только для того, чтобы убедиться, что «там» ютились в пещерах, убежали от чумы, несли крест крепостного труда, гибли в жестоких войнах. Может быть, в чем-то права поэтесса Инна Лиснянская:

Вчерашний день искать не надо,

Он канул в завтрашние дни...

Гуревич П. Между тем Эрих Фромм считал, что интерес к прошлому, к родовым корням — это не только поразительная, но и глубинная человеческая потребность. Почему люди хотят ощутить свою причастность ко всему миру? Эта потребность у Фромма обусловлена тем, что, появившись на свет, ребёнок утрачивает биологическую связь с матерью. На протяжении всей жизни человеку нужны символические корни, основы, которые создают ощущение стабильности и прочности. Вероятно, именно история способна поддержать эту человеческую надобность. Конкретная жизнь — лишь мгновение во всемирном потоке времени, но она включена в общий водоворот истории. Укорененность в истории Пушкин считал неотъемлемой для людей. Она обеспечивает человеку устойчивость, причастность к культуре. «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» вселяет уверенность в жизни и воспитывает свободолюбие:

На них основано от века

По воле Бога самого

Самостоянье человека,

Залог величия его.

Муза истории Клио знаменовала величие и славу людей. Она свидетельствовала о том, чего может достичь человек, как способен разгадать загадку собственного выбора, бессмертия, достигнутого преодолением своего собственного предела. Она изображалась со свитком и грифельной палочкой в руках. В памяти человечества остаются добрые дела и злодейские помышления.

Буева Л. Да, в истории есть и героика, и воодушевление, и торжество духа. Но нередко потомкам, да и исследователям кажется, что все это находится за пределами здравого смысла. Ну, в самом деле, сколько же раз пришлось убеждаться в бессмысленности революционных потрясений, ведущих к историческим катаклизмам. А революционный пыл не остывает. Не раз приходилось подсчитывать ущерб, нанесенный войнами, а философы и историки по-прежнему увлечены апологией войны. В связи с нынешними событиями на Украине многие политики и военные уже начинают

передвигать в своем воображении дивизии, флоты и эскадрильи. Социальные мыслители указывали на ущербность тирании и пагубность властолюбия. Но будущие деспоты по-прежнему жадно толпой стоят у трона. Там же ждут своего часа «свободы, гения и славы палачи». Религиозные мыслители напоминали о Божьем суде. Но властоманы не утрачивали своей ретивости. Социальные страсти перекрывают исторический разум. Неужели каждое поколение принуждено еще раз проверить точность исторических внушений?

Егорова И. Но вот парадоксальная мысль. Что было бы, если бы уроки истории не утрачивали своей принудительной и карательной мощи? История стала бы надежным навигатором. Поколениям осталось бы только сверять курс и избегать ошибок. История в этом случае утратила бы свое многообразие и неповторимость. Возможно, прекратилось бы вообще историческое творчество, социальное воображение, революционный азарт. Личности, которые являют собой чрезвычайное обнаружение человеческого духа, превратились бы в послушных учеников. Не стало бы это вечным торжеством «Дня сурка»? Вероятно, каждое поколение имеет право проверить непреложность исторических уроков, испытать собственной жизнью и судьбой правоту накопленной мудрости. И лишь в этом смысле принять или не принять готовые исторические трафареты.

Гуревич П. Но именно такое представление и было отвергнуто мыслителями. В том, что народы извлекают уроки из исторического процесса, усомнился Георг Гегель. Он писал о том, что история учит лишь тому, что она никогда ничему не научила народы. Эту мысль более изящно изложил известный английский писатель Олдос Хаксли. Уроки истории, отмечал он, заключаются в том, что люди ничего не извлекают из этих наставлений. Это кажется парадоксом. Ведь в истории можно проследить свои универсалии. Многое же повторяется. Иногда, как считал тот же Гегель, в виде фарса. Но нередко и в более зловещем варианте. Философия истории бесполезна, если она не раскрывает повторяемость событий, общие закономерности общественного развития.

Буева Л. Да, это тоже отмечено известными мыслителями. Вот, скажем, французский философ Эдмунд Бёрк сравнил революции, которые случались в Англии. Король Карл I проявил религиозные притязания, которые не поддержал парламент. Начались распри, и вспыхнула гражданская война. Парламент собрал собственную армию, в основном состоящую из крайних протестантов. Ее возглавил Оливер Кромвель. Он и его армия решили отделаться от короля. Короля приговорили к смерти как тирана, предателя, убийцу и врага страны. 30 января 1649 года он был обезглавлен на эшафоте, возведенном перед королевским дворцом. Это породило страшное смятение. Неужели это возможно — казнить самого короля? Но во имя чего? Понятное дело — во имя свободы. Но Кромвель сосредоточил в своих руках огромную власть. Он контролировал финансы и суд, руководил внешней политикой. От королевского титула он отказался. Но власть его все равно оказалась неограниченной.

Егорова И. Особой разницы нет. Отрубят ли голову, как Карлу I и Людовику XVI, расстреляют ли в подвале, как Николая II, или повесят, как Каддафи. Даже если позволят убраться из страны, как Якову II в ходе Славной революции 1688-1689 годов, свободы не станет больше. Обратим внимание на список стран, в которых Америка за последние 15 лет одержала победу, — Ирак, Афганистан, Грузия, Украина, Ливия, Египет. Где же торжество демократии, свободы? Везде воцарился хаос. Сегодня вот журналисты и политики пишут о том, что Украина может превратиться в европейское Сомали. Оказывается, свобода и тирания — тайные побратимы. Русский философ Борис Вышеславцев считал, что обсуждение проблем свободы и рабства, свободы и тирании было центральной мировой проблемой, которая волновала русских философов и поэтов. Отечественная литература всегда была революционной в глубочайшем духовном смысле этого слова. Пушкин, к примеру, отрицает и ненавидит все, что связано с неволей, насилием и принуждением. Республиканский Рим рождает в нем уважение («я сердцем

римлянин, кипит в груди свобода»). «Вольность» выражает у него высший социальный, правовой и политический идеал поэта.

Гуревич П. Но свобода в своем пределе рождает хаос, превращается в тиранию. Выходит, исторический опыт водит нас по кругу — народы стремятся сорвать оковы рабства, но деспотизм все равно неискореним. Тирания произрастает на почве свободы. Уроки истории не убеждают своей очевидностью. Кстати, сегодня эксперты пишут о том, что Америка в наши дни попала в западню, забыв о мудрости давних социальных наставлений. Она не соотнеслась с историческим опытом. В Древней Греции в V в. до н.э. разразились две войны. Первая была направлена против Персидской империи. Афины возглавили борьбу объединенных греческих полисов. Речь шла о свободе Греции, ведь восточным владыкам Афины представлялись легкой добычей. Однако вооруженный конфликт оказался продолжительным. Для Греции под угрозой оказалась независимость полисов, даже само их существование как уникального типа социально-политической организации. Они могли стать обычными подданными персидских царей, как и десятки других народов. Опасность нависла над древнегреческой культурой. Греция одержала победу. Упоенные победой Афины тогда решили затеять новую войну, на этот раз со Спартой. Но в новом варианте массового энтузиазма не получилось. Полисы не стали поддерживать власть. Спарта не казалась им такой же опасной, как Персия. Массового воодушевления не хватило на успешность новой войны. В свое время Америка начала «холодную войну» против СССР. Она носила идеологический характер. Многие европейские страны поддержали США. Но сегодня такой изоляции России не получится. Хотя заокеанские политики грозят нам санкциями, призывают другие народы «проучить» Россию. Но новая «холодная война», судя по всему, не получит поддержки. Об этом свидетельствует исторический опыт.

Буева Л. Но ведь власть в Америке рассчитывает на успех, она хочет сплотить народы против «ослушницы» России. Стало быть, одно дело уроки истории, другое — текущая политика. Именно на этом основании в недавнее время всю историю человечества подвергли сомнению французские «новые философы». Они попытались переосмыслить классические представления о смысле и назначении истории. И здесь получила преобразование проблема ценности исторического опыта вообще. История, по их мнению, зашла в тупик. Она не способна разорвать круг заклатья и выбраться из него. На протяжении веков властвует одна и та же идеологема. Любая революция есть отражение «воли к власти», неоспоримый знак властомании. Революционеры оказываются такими же тиранами, как и те деспоты, которых они свергали. Не было бы Просвещения, не было бы якобинского террора.

Егорова И. Чтобы разгадать смысл истории, нужны огромные духовные напряжения. Когда, к примеру, появилось такое понятие, как «историческое сознание»? Пожалуй, до XIX в. его вообще не существовало. Сначала исследователи вели речь об исторической памяти. Нужно ли помнить события прошлого? Все ли они заслуживают внимания или подход к ним должен быть сугубо избирательным? Попробуем представить, сколько исторических событий вообще канули невостребованными, неопознанными для взыскательных исторических разборок. Выходит, память не всесильна. Но без нее мы были бы существами мгновения. В известном смысле история сложилась поначалу из анекдотов, притч и детективов, которые рассказывали Геродот и Светоний. Но наступил такой миг, когда эти частные заметки намекнули на некие закономерности в общественных процессах. Так обнаружилась связь времен, их нерасторжимость.

Гуревич П. Однако приобрел неизбежность вопрос о том, что делать с фактами. Их можно возвеличить или опознать, извратить или восстановить подлинную огранку, забыть или завещать потомкам. В исторической науке долгое время царствовал позитивизм. Эта гуманитарная наука обожествляла социальные факты. Ведь это кажется аксиомой. Чем еще должен заниматься историк, если не коллекционированием исторических событий? Поэтому считалось, что он должен освоить как можно больше

архивных источников. Чем больше в его распоряжении окажется фактов, тем лучше. Чем больше фрагментов исторической истины получит историк, тем яснее станут причинно-следственные связи. Так через конкретные факты, их нанизывание можно подойти к осознанию законов исторического развития.

Буева Л. Да, вот он, очевидный парадокс. Монбланы фактов, неизмеримое разнообразие исторических подробностей. Факт никогда не существует сам по себе. В нем есть и оценка самого события, готовность принять или осудить данное историческое мгновение. Сегодня многие пожилые люди вспоминают отдельные подробности из советского прошлого. И факты прошлого воспринимаются как иллюстрация хорошей жизни при советской власти. При этом стираются, забываются другие свидетельства прошлого. Выхватывая отдельные события, можно доказать все что угодно. Жизнь ведь беспредельно разнообразна.

Гуревич П. История всегда представляет собой неповторимую констелляцию событий. При несомненной исторической мудрости всегда ощутима уникальность конкретной судьбы народов, их боль и надежда. Историю можно выстроить вокруг властителей и полководцев. Но тогда останется без внимания то, что отечественный мыслитель Юрий Лотман называл «поэтикой повседневности». Вероятно, собирание фактов обязанность историков. Но все равно возникает вопрос: каковы возможности познания истории? Если ценность факта в нем самом, то мы никогда не поймем, что же творилось в давние времена, как жили люди, о чем они думали, к чему стремились. Ведь сама реальность тех веков уже исчезла. Как восстановить ее во всех измерениях, если следы в источниках непрозрачны, их нужно не просто воспроизвести, а разгадать их подлинный смысл.

Егорова И. Я училась на историческом факультете. Мы были честными архивариусами факта. Нет ли в пренебрежении к позитивизму скрытой тенденции к исторической фантазии, к произвольному освещению давних событий? Есть факт и его толкование. Но, очевидно, возможна интерпретация без факта. Разве это не чревато опасностью? В наших трудах по истории всегда говорилось о татаро-монгольском иге. Нельзя же отрицать непреложность нашествия на Русь ордынских племен. Но вот из соображений современной политкорректности в едином учебнике по истории, получившем благословение власти, судя по всему, появится более длинное понятие — «система зависимости русских земель от ордынских ханов». Татаро-монгольское иго переименовано в «ордынское». Есть ли гарантия, что в будущем при изменении социальной конъюнктуры исторический факт не будет перелицован? Разве допустимо подстраивать исторические факты под современную социальную констелляцию? Английский писатель Джордж Оруэлл, стремясь понять сущность советского мировоззрения, предложил формулу, которая поражает точностью и цинизмом: тот, кто контролирует прошлое, тот управляет и будущим. Но был ли английский утопист первым в этом откровении? Еще раньше первый русский историк-марксист М. Н. Покровский доказывал, что история есть политика, опрокинутая в прошлое. Это позволяло власти «жаловаться» людям прошлого мудрость или негодяйство, бандитов считать государственниками, а стойких правителей — умалишенцами.

Буева Л. Нет сомнений в том, что толкование исторического события всегда будет зависеть от современности, от, может быть, более углубленной трактовки факта. В трудах В. Виндельбанда, Г. Риккерта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность истории нам не дано. Социальное воображение чрезвычайно значимо. Чтобы осознать смысл исторического процесса, нужно обладать историческим сознанием. Невозможно представить факт как таковой, пока мы не войдем в атмосферу эпохи, в мир других ценностных и житейских представлений.

Егорова И. Я согласна с тем, что историк не регистрирует факты, а раскрывает их суть. Историк необходимо реконструировать психику людей далеких эпох. Здесь

«импрессионистический» подход не годится. Калейдоскоп фактов без аналитической мысли зачастую сбивает с толку. Именно поэтому легкое вживание в эпоху, готовность мгновенно проникнуться мыслями и чувствами людей, живших давно, выглядит подозрительным. Мы невольно смотрим на поступки исторических деятелей, простых тружеников или ратников глазами нашей эпохи. К примеру, понять жертвенный поступок Бориса и Глеба, их готовность умереть от злодейской палаческой руки, не оказывая сопротивления, сегодня, в эпоху девальвации самоотверженности, не так-то просто. Но все-таки любая оценка прошлого немислима без исторического факта. Что тогда оценивать, если не исторический эпизод?

Гуревич П. Недаром Анна Ахматова писала:

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошедшее тлеет.

Но ведь историческая память подверглась серьезным испытаниям. Разве в древнем мире не вырубали со стен записи о подвигах предыдущих царей? Не случайно говорят, что историю пишут победители. Чтобы прославить себя, можно отыскать свое призвание в героической личности прошлого. Разве Екатерина II не создавала впечатляющую легенду о Петре I? Она приказывала строить дворцы, которые объявляли памятниками Петровской эпохи. Не потому ли Федор Тютчев пришел к умозаключению, что русская история до Петра I — сплошная панихида, а после него — одно уголовное дело. Для чего пишут историю? Чтобы рассказать, как все было, или для того, чтобы убедить потомков в том, как должно было бы происходить? Рассказывают, будто Илья Эренбург при встрече с немецким писателем Лионом Фейхтвангером обсуждал эксцессы нацизма. Он даже спросил: «Интересно, что на это скажет история?» Фейхтвангер, как вспоминают, ответил: «Эта сука, как всегда, соврет». Разве сегодня бандеровцы на Украине не пытаются врать про нацизм, несмотря на непреложность фактов? Особенность исторического опыта состоит в том, что он содержит в себе знание, превосходящее представления тех, кто жил в определенную эпоху.

Егорова И. Однако те, кто пережил фашистские времена, напротив, имеют о нацизме более развернутое знание, нежели современные новобранцы нацизма. Кто владеет прошлым, тот владеет будущим. Когда я училась в школе, нам рассказывали о том, что император Павел I был почти сумасшедший. А в новом учебнике по истории он представлен вполне нормальным, просвещенным политиком и человеком.

Гуревич П. Хотелось бы понять, почему история ничему не учит. Так ли это на самом деле? В какой-то степени мысль О. Хаксли не является кошмарной. Мы уже говорили о том, что если бы история во всем выступала наставницей, это было бы нелепо. Тогда люди быстренько освоили бы ее уроки, и уж точно это можно было бы назвать «концом истории». Но ведь события истории в известном смысле неповторимы, уникальны. Вот, например, древние мистерии. Поразительный феномен культуры. Но они не стали традицией, не повторились в последующие века в своей первозданности. Артур Шопенгауэр подчеркивал, что дуэли имели распространение в исторически короткий срок. В аристократической среде они считались обязательными. Но данная традиция растворилась, перестала быть неоспоримым событием. В античные времена рабство считалось неизбежным, причем мыслители и простые люди полагали, что оно выгодно не только для рабовладельцев, но и для рабов тоже. Разве сегодня такой взгляд приемлем?

Буева Л. В череде поколений мы далеко не всегда обнаруживаем одни и те же социальные традиции, оценки мира. Человек античного мира привык тратить заработанные деньги на собственные нужды. Сколько заработал — столько полагается и благ. Сама идея накопления, то есть оставления денег на «черный день», показалась бы ему странной. Тот же, кто откладывал сбережения, чувствовал себя не вполне уютно. Он

невольно оказался бы в невротической ситуации. Заимодавцы постоянно испытывали на себе диктат общих культурных традиций, порицающих «жизнь вперед».

Егорова И. У меня тоже есть пример. Девушка, которая не стремится найти свое место в обществе, обрести социальный статус, была бы нормальной в культуре пуэбло. Однако в современном мире юная особа оказалась бы в невротической ситуации именно потому, что она не состоялась, не нашла себя. Можно ли считать нормальным человека, который утверждает, будто чувствует приближение животного и может показать на своем теле знаки, благодаря которым об этом узнают? Однако в культуре бушменов это считалось обычной нормой. Европейец, попавший в такую социальную среду, видимо, мог бы испытывать невротические состояния.

Гуревич П. Для японца совершить в определенных обстоятельствах акт харакири — не что иное, как дело чести. Тот, кто не смог бы соответствовать долгу, стал бы презираем. Однако в православной культуре такой поступок рассматривался бы как погубление души. Брачные контракты стали традицией в западном мире, но в российской культуре они приживаются с трудом. Сама мысль о разделении имущества в момент венчания, когда брак заключается перед Богом, рассматривается как кощунственная. Человек архаической культуры, разговаривающий с умершим дедушкой, показался бы современному человеку психотиком. Но в давних культурах это было нормой. Для иудея отдать деньги под огромные проценты — причина радости, а для русского — повод для исповеди и раскаяния. В пушкинской трагедии «Скупой рыцарь» Альбер корит ростовщика за то, что он не признает рыцарского слова, а тот не обращает внимания на этот нервный симптом. Трагедия заканчивается словами Герцога: «Ужасный век, ужасные сердца!» И в самом деле, есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатству, как «алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мхом. Распад человеческого достоинства.

Буева Л. Французская школа «Анналов» показала, как сложно изучать психику людей разных эпох. Как раз в это время во французской исторической науке появились работы медиевистов. Возникает новое направление исторических исследований. Оно получило известность как «история ментальностей», десятилетие спустя приобрело статус «исторической антропологии». Историки этого направления, как и неокантианские теоретики, исходили из мысли, что историческое исследование не опирается просто на собранные факты. Они пришли к выводу, что факты истории — это факты «психологические». Нельзя превращать историю общества в историю его сознания, пусть даже и коллективного. Чаще всего именно изменения в интеллектуальной и ментальной структуре людей оказываются стимулом к новому пониманию реальности. Таким образом, оказалось, что в европейской гуманитарной и вообще научной мысли развивается некоторое общее движение; символом нового сознания, нового научного мышления стали работы Эйнштейна и других представителей неклассической физики, математики и т.д. Новые общие установки сознания привели к тому, что закладывались и новые основы исторического познания. Я полагаю: неправда, будто история ничему не учит. Она выступает суровой наставницей и круто наказывает тех, кто не следует ее урокам. Людям свойственно опираться на исторический опыт и игнорировать его. Неоспоримость уроков нуждается в постоянном подтверждении.

КАК МОЖНО УЧЕСТЬ УРОКИ ИСТОРИИ?

Егорова И. Мне кажется, что философия истории содержит в своем составе множество суждений, которые выражают исследовательское отчаяние, но отнюдь не являются бесспорными истинами, хотя их многократно повторяют. Действительно ли история ничему не учит? По первому впечатлению, есть впечатляющие примеры. Сколько сил было потрачено на борьбу с нацизмом. Но вот нынешняя власть на Украине была

готова считать исторический День Победы как траурный день памяти жертв советской оккупации. Однако если бы не было разоблачения фашизма, не прозвучали бы в свое время слова Бертольда Брехта «Еще плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада», то оголтелое сознание нацизма проклюнулось бы много раньше. Разве европейские философы не провели тщательной диагностики революционного сознания и не вывели тем самым из истории значительный градус истерии, бушующий в недрах безрассудного сознания?

Гуревич П. Следовательно, можно вести дальнейшие рассуждения в рамках той области философского знания, которая называется «философией истории». Это область философского знания, которая занимается постижением исторического процесса, рассматривая смысл и направленность истории, расчленение и последовательность основных исторических эпох, соотношение природы и истории, свободы и необходимости в исторической динамике, возможное завершение исторического процесса или, напротив, его бесконечную открытость в будущее. Разумеется, эти проблемы не могут быть решены без рассмотрения ряда чисто гносеологических и логико-методологических вопросов.

Егорова И. Пожалуй, действительно «собираТЕЛЬСкая» историография лишена смысла. Вы меня убедили. Позитивистская событийная история уходит в прошлое. История изучает прежде всего реальные проблемы.

Буева Л. Да, но эти общие подходы реализуются в спектре более конкретных философских проблем: Зачем люди хранят историческую память? Почему опасно забвение истории? В чем проявляется глубина исторического мышления? Существует ли логика истории? Что означает утверждение: в истории всегда есть выбор? Чем традиционное общество отличается от современного? Почему социальные революции опасны? Что такое «русская идея»? Как развивается история — линейно или циклами, как кружение времен? Что такое информационное общество? Есть в истории прогресс или она движется к всемирной катастрофе?

Гуревич П. Философия истории как самостоятельная философская дисциплина сложилась в XVIII веке. Вольтер в работе «Философия истории» (1765) впервые ввел это понятие. В исторических сочинениях французский философ критиковал христианскую точку зрения на развитие общества и вместе с тем дал набросок картины истории человечества. Вольтер считал, что историческая динамика никак не связана с божественной волей. Что есть движущих сил истории, то, как уже отмечалось, философ видел их в борьбе мнений, сменяющих друг друга.

Буева Л. Я считаю, что современный человек как никогда ранее нуждается в исторической определенности, в понимании времени, в котором он живет, своего предназначения в мире, в осознании своей пользы, важности и необходимости для других людей. Современные философы снова обращаются к осмыслению истории, ее движущих сил и периодизации, места человека в историческом процессе. Они нередко отказываются от глобалистских, прогрессистских моделей общественного развития, кристаллизуют внимание на непосредственном переживании человеком истории. Все чаще осознается, что смысл исторического прогресса проходит сквозь призму жизненного мира человека, что, в свою очередь, подводит к выводам о множественности смысловых картин прошлого.

Гуревич П. Согласен с вами, Людмила Пантелеевна. Вы, по сути дела, поставили вопрос о смысле истории. Николай Бердяев подчеркивал, что философско-историческая мысль обретает особую остроту в эпохи исторических катастроф и разломов. Скажем, размышления об истории Августина Блаженного сопутствовали крушению античного мира и падению Рима. Русский философ считал, что в так называемой «осевшей» эпохе, то есть спокойной, размеренной, вопрос о смысле истории и историческом движении обычно не возникает. Иное дело в эпоху катастроф.

Егорова И. Наш президент в связи с событиями на Украине сказал, что у нашей страны есть свои национальные интересы. Действительно, русская философская мысль в

течение XIX в. активно обсуждала проблемы философии истории. На ее выводах формировалось национальное сознание. Сегодня вновь рождаются споры об исторической судьбе России.

Буева Л. Историческая деятельность — ключ к пониманию истории. Однако какой тип исторической деятельности можно одобрить, а какой подвергнуть критике? К примеру, Аристотель в «Политике» пытался обосновать особое призвание греков. При этом он исходил из противопоставления греков и варваров. История — всеохватывающее измерение жизни. Можно ли подходить к событиям современности внеисторически? Впрочем, в современной политической практике такие «эксцессы» не редки. Подчас властители и политики руководствуются интересами, а не логикой исторической деятельности. Запад выдвинул историческую программу — установление демократии во всех странах, в том числе и в тех, где она не востребована. Но кому не ясно, что интересы США в широком радиусе — от Туниса до Йемена и далее — Иран, Ирак, Афганистан — имеют геополитические цели. Америка озабочена отсутствием демократии не в тех странах, где царит тирания. Ее взоры направлены к богатым нефтью и стратегически важным регионам Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Сейчас они озабочены тем, чтобы вывести Украину из сферы влияния России.

Егорова И. Это означает, что гражданам нашей страны, и не только им, нужно укреплять историческое сознание. Оно свойственно далеко не всем. Политики и исследователи нередко следуют за каждым изгибом исторической конъюнктуры. Вновь и вновь подтверждается исторический опыт, но при этом неизменно игнорируются уроки истории. Возьмем, к примеру, отношение к революциям. Общественная практика показала, что ни одна из революций не была легитимной. Она же доказала, что издержки, разрушения, разрывы исторической ткани обходятся народам, странам дороже, нежели плавное социальное развитие.

Гуревич П. Согласен. После классических работ Жака Эллюля или Ханны Арендт эта тема не кажется уже дискуссионной. Между тем понимание революции, которая неразрывно связана с представлением о том, какие перспективы открываются на новом этапе истории, связано с идеей совершенно новой исторической постановки. Ханна Арендт отмечала, что главным в современных революциях является соединение идеи свободы с опытом начала чего-то нового. По ее мнению, революции не имеют прецедентов в истории вплоть до Нового времени. Стремление открыть новую страницу истории всегда наталкивается на стремление многих людей сохранить то, что уже достигнуто. Но постепенно открывается другая истина: революция оборачивается деспотизмом свободы. А в исторической перспективе эта свобода оборачивается рабством. Но как быть, если власть сама оказывается помехой на пути развития? Как одолеть чувство справедливости, которое захватывает массы и влечет их на майдан?

Буева Л. Вообще персидское слово «майдан» переводится как «площадь». Во всем мире после первого киевского майдана 2004 года и недавних погромных событий оно стало обозначением бунта против власти, непримиримости, бесконечного противостояния. Майданы далеко не всегда завершаются пшиком. Когда к власти приходил Б. Ельцин и рушился СССР, то конечные результаты протестов налицо. Напомню о майданах в Казани и Набережных Челнах, когда значительное число жителей Республики Татарстан требовали отделения от России. Фактически так оно и случилось, но закончилось к 1994 году, когда с президентом этой свободной республики удалось подписать Договор о разграничении полномочий. Не случайно во время нынешних событий многие либеральные журналисты поэтизировали майданы, восхищались площадной демократией. Правомерна и другая тема, которая постоянно аранжируется сегодня, — власть сама виновата в майданизациях.

Егорова И. Нет слов: политики должны предотвращать опасные разломы и повороты. Но стоит ли снова поэтизировать революции? Известный публицист и ученый Владислав Иноземцев задается вопросом: «Неужели мы верим, что развитие может

происходить без каких-либо потрясений?» А, собственно говоря, почему не верить? Разве колдобины истории так уж неизбежны? В. Иноземцев спрашивает: «Что сделало современную Европу тем, чем она является?» Ответ для него однозначен: «различные катаклизмы». Можно согласиться с тем, что перемены— естественный двигатель истории. Но действительно ли революции являются локомотивами истории?

Гуревич П. Я тоже читал эту статью со смешанными чувствами. Автор пишет, что перемены меняют отношение общества к самому себе, придают ему заряд энергии, которого не может дать ни одна из консервативных доктрин. Перемены меняют социальную композицию, открывая путь вверх пассионарным личностям. Не случайно, что несколько послереволюционных десятилетий ускоряют, по мнению Владислава Иноземцева, развитие любого общества. Наконец, они приводят к смене поколений, задающих тон общественному развитию в каждой конкретной стране. С такой же верой в перемены выступали в свое время просветители. Они хотели создать нечто новое, чего не было никогда и в то же время не было предугадано никем. Эти пафосные размышления, разумеется, далеко не всегда подкрепляются историческим опытом. Не будь революций в России, она стала бы могущественной державой в силу естественной социальной логики. А уж появление неких пассионарных личностей хочется сопроводить нелегким испугом и словами «чур меня!». Нужны ли исторические примеры?

Буева Л. Можно ли пренебречь серьезными исследованиями Эриха Фромма или Теодора Адорно об особом психологическом складе политиков, захваченных революционаризмом? Да, благодаря харизматичности Мартина Лютера христианство обновилось протестантизмом. Но так ли уж однозначны исторические последствия этих пассионарных обновлений? Не приводит ли такая поэтизация перемен к апологетике всего, что случилось в истории? Ведь некие позитивные перемены несёт в себе и война: меняется геополитическая картина мира, рождаются новые технологии, восстанавливается (или утрачивается) идея справедливости.

Егорова И. Забвение уроков истории в данном случае инспирировано тем, что наш президент заявил о консерватизме как о государственной идеологии. Политологи стали воспевать охранительство и стабильность. Мартин Бубер выделяет в истории человечества эпохи спокойные и бурные. Но из этого вовсе не следует, что бурные эпохи несут человечеству избавление и счастье. Разве это аксиоматично, как пишет Владислав Иноземцев, что консерваторы не создают новых технологий и идей, не порождают социальных движений? Воспевание времен «бури и штормов» несет в себе очевидные угрозы.

Гуревич П. Разумеется, не следует поэтизировать и застой, глухую пору, мертвый сезон. Усталость, разочарование, отчаяние имеют накопительный эффект. Отсутствие перемен — предвестие бури. Но надо ли обсуждать любую назревшую проблему с чистого листа? Стоит ли сетовать на то, что мы потеряли присущее любой живой нации бунтарство? По какой странной логике катаклизмы объявляются благом? Отчего сбрасываются со счетов страдания людей, которые заплатили жизнями и горем за революционное экспериментирование в истории?

Буева Л. Хочу в связи с этим затронуть еще одну проблему. Все, что происходит в истории, имеет срочные и бессрочные результаты. В малой перспективе событие может иметь огромный резонанс, а в своем далекодействии оказаться пустышкой. Но и наоборот, конечно. Незначительная деталь, незаметное движение истории может в будущем оказаться предельно значимым и судьбоносным. Реформы Столыпина имели немалое значение для развития России. Но их незавершенность, половинчатость в более дальней исторической дистанции вызвали революционный размах, который принес огромные бедствия и потрясения. Николай Бердяев писал о личностях, которые обеспечивают движение истории. Но он говорил вовсе не о бунтарях и мятежниках. К тому же отмечал их незаметное, но неумолимое влияние на ход истории. Знать историю мало, нужно уметь извлекать из нее уроки. Иначе всем известные ошибки будут повторяться...

Егорова И. Политикам мнится, что взнуздать «клячу истории» не так уж и сложно. Они толкуют о глобализации как успешном и универсальном процессе. Однако социальные философы неизменно указывали на сложность этого процесса. Отмечалось, в частности, что создание всемирного хозяйства отнюдь не обеспечит быстрого культурного единения народов. В частности, Даниэль Белл писал о том, что культура не поддается нивелировке с такой же поспешностью, как, допустим, экономика. Он отмечал особую специфику культурной динамики. Сегодня мы можем утверждать, что триумф глобализации не состоялся.

Гуревич П. Мне Людмила Пантелеевна, что дело не только в том, что культура обладает особым неразстворимым ядром, которое едва ли поддается переплавке. Сама экономика оказалась неспособной к устранению присущих ей внутренних коллизий. Исследователи мировых процессов вынуждены признать, что цикличные глобальные кризисы с каждым разом разворачивают человечество от глобализации к восстановлению национальной идентичности. Исследователи отмечают, что под давлением миграционных последствий региональные идентичности гаснут, но при этом восстанавливаются идентичности национальные. Причем все чаще в острых и грубых, ксенофобских и праворадикальных формах, взывающих к полноте национального суверенитета. Глобализация в ряде стран вызвала сопротивление.

Буева Л. Энтузиасты глобализма полагали, что национальные амбиции растворятся в тигле мировой экономики. Однако этого не произошло. Из сокровенных архивов стали извлекать материалы, которые должны засвидетельствовать глубину тех или иных национальных истоков. В частности, поднимается вопрос о том, чтобы вернуть Пруссию Германии. Однако историки утверждают, что Восточная Пруссия, как и Западная, не германская земля. Здесь всегда жил известный в средневековой Европе и на Руси народ прусов. Украинские власти, к примеру, заявили, что их государство имеет тысячелетнюю историю. Однако на самом деле Украина появилась в минувшем столетии. Единой украинской нации нет. В единую общность украинцы так и не сложились. Они разделены ментально и территориально. Но и у других народов возникло стремление «обозначить» себя в истории. Речь уже не идет об истинных социальных, экономических или культурных корнях. Нации воссоздаются как актуальные фантомные образования. Их судьба и почва окружаются тайной, грезой, романтической мечтой.

Егорова И. Так о чем говорят эти факты? О том, что историю всегда сопровождают неожиданности. Или о том, что, наоборот, есть жесткие непреложные законы истории, как это свойственно утверждать тем, кого называют историцистами. Нельзя не обратить внимания на преобразование этой давней темы. Тот историцизм, который подвергся критике в минувшем столетии, пытался представить себя знатоком законов человеческой истории. Он утверждал, что может предсказывать будущее развитие истории. Сам термин, как известно, был введен в середине 30-х годов минувшего столетия К. Поппером. Он подверг резкой критике историцистов, саму идею существования законов истории. Мы уже говорили о том, что в первые десятилетия минувшего столетия в науке господствовал исторический позитивизм. Да, он прославлял бессистемную фактографию, накопление исторических данных без оценки их значимости. Затем он сменился другой позицией. Историю стали рассматривать как смену единичных и уникальных явлений. Критика историцизма в этом случае заключалась в том, что в истории нет прямого повторения событий. А следовательно, нет и законов, о которых говорили сторонники историцизма. Эту позицию выражали такие философы и социологи, как В. Вин-дельбанд, Г. Риккерт, Б. Кроне, Ф.А. Хайек, Поппер, К. Ясперс, Р. Арон и другие.

Гуревич П. Современный историцизм, как мне кажется, отказывается от философски осмысленной всеобъемлющей панорамы всемирного развития. Он толкует уже не о законах истории, а о ее «ритмах», «схемах» или «волнах». Сегодня нет ни Э. Трёльча, ни Ф. Мейнеке с их попытками освободить историцизм от его крайностей.

Николай Бердяев полагал, что кроме земного результата истории как естественного движения событий есть в ней еще и сакральный смысл, когда те же самые процессы и свершения, которыми гордится история, подвергнутся Божьему суду. Но в век «зарастания метафизической тропы» и секуляризации подход к философии истории утрачивается. Вместе с тем предполагается, что современные технологии неумолимо тащат народы в информационный социум. Здесь властвуют не законы, а именно технологии. Следовательно, отвергается скрытое величие истории. Исторические проблемы предлагается решать утилитарно-прагматически.

Буева Л. Немецкий философ Карл Ясперс в трезвой диагностике целей истории отметил опасности этого прагматизма. Он обозначает такую тенденцию, как забвение бытия. Вместо исторической конкретности, вместо непреложности исторического существования рождается представление о том, что история — это бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий. Сознание эпохи отделяется от всякого бытия и занимается только самим собой. Так перевертывается отделившееся от бытия сознание времени. Общим оказывается, по словам Ясперса, не человеческое бытие как всепроникающий дух, а расхожие мысли и лозунги. Смысл истории подменяется стереотипами и призывами, за которыми изворотливо скрываются интересы господствующей власти. Все стороны социальной жизни рассматриваются под углом зрения технического развития.

Егорова И. Возможно, в прежние века человек острее ощущал свою укорененность в истории. Современный человек оторван от своих корней, когда ему надлежит осознавать себя в исторически определенной ситуации человеческого существования. Нынешний индивид как будто не может более удерживать бытие. Мы втянуты в миражный водоворот безостановочного движения. Это несовместимо с христианским представлением об истории как некоем упорядоченном, согласно замыслу спасения, процессе.

Гуревич П. Мне кажется предельно актуальной мысль Ясперса о том, что есть эпохи, которые выпадают из истории. В них нет ничего, кроме насущных прагматических интересов, не одухотворенных логикой истории. В такие времена люди заняты только своим временем. Цели, как и истоки истории, размываются. Возникает ощущение разрыва со всей предыдущей историей. В наши дни исчезает и постижение истории как тайны, требующей разгадки, диктующей некие общие цели. Техника преодолевает время и пространство. По словам Ясперса, нет более ничего далекого, удивительного, тайного. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности, не раскрытия действий таинственных сил, а устного установления фактов. Сообщения сегодня должны быть выражены сжато, пластично, без каких-либо сантиментов. Можно говорить, очевидно, о важной проблеме — как вернуть эпоху в историю.

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О ЛОГИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА?

Буева Л. Все же за последние годы идейно-теоретический комплекс, традиционно именуемый как «философия истории», заметно расширился. Ведущие исследователи усилили внимание к изучению социальной динамики, к распознаванию механизмов общественного развития. Эта тема вышла за рамки академических дисциплин, трактующих проблемы исторического знания. В результате в философию истории стали проникать всевозможные психоаналитические, структуралистские, антропологические методы осмысления социально-исторической реальности, которые радикально расшатывают прежние представления о социальном факте, особенностях и основаниях общественного развития, о связанном потоке событий.

Егорова И. Но следует, очевидно, указать на непомерные амбиции современных истористов. Выставив в качестве предмета исследования психологию выдающихся лидеров, увлекающих мир в неожиданную плоскость культурного развития

(психоистория), инстинктивную природу человека, тяготеющую к тому, чтобы разорвать оковы цивилизации (философская антропология) или некие, постоянно возобновляемые структуры исторического процесса, сторонники названных методик в исторической науке объявили, что истинные пружины социальных трансформаций наконец-то раскрыты.

Проникновение в социологию математических, статистических методов, приемов глобального моделирования содействовало, как это ни парадоксально, отнюдь не укреплению представлений о нерушимом научном предвидении. Напротив, множество противоречащих друг другу «сценариев», «прогнозов» и «моделей» создало впечатление, будто история постоянно чревата неожиданными тектоническими сдвигами, имеющими фатальные следствия. Проигрывая самые различные способы «штурма» будущего, последователи создали впечатление, будто историю можно пригласить в любое приключение, идиллического или преступно-авантюрного характера.

Гуревич П. Но это уже скорее антиисторицизм, нежели готовность отыскать окончательные законы истории. Последовательно развертываемый исторический процесс нередко стал описываться как вереница случайностей. История в такой трактовке оказалась своеобразной проекцией социального утопизма, несчастной, истерзанной жертвой «самоорганизующихся прогнозов». Призывы пересмотреть историю, переписать ее набело исходят из самых различных источников. Теория игр и антропология, социология идеологии и этнология, современные версии психоанализа и описание мыслительных или языковых структур — каждое начинание оборачивается обзором всей наличной истории, попыткой «полного выведения» ее из стрелевского движения, из самой модной в данный момент концепции. Таким образом, философия истории стремится выработать разносторонний взгляд на историю, действуя по всему фронту социальных исследований.

Буева Л. Однако, несмотря на веер самых неожиданных истолкований, многие серьезные эксперты стали склоняться к мысли, что современная историософия не может проникнуть в секреты истории. Последняя предстала на всех уровнях исследования как некий неопознанный объект, поражающий воображение уже тем, что он способен одновременно принять и отвергнуть любые прилагаемые к нему мерки.

Егорова И. Мне кажется, что общая тенденция философии истории состоит в том, что представление об объективности и связности исторического процесса подверглось решительному пересмотру. Отвергая традиционные критерии исторического развития, исследователи все чаще стали говорить о непредсказуемости и хаотичности общественных событий. В частности, французский социолог Жак Эллюль в своей работе «Политическая иллюзия» неоднократно проводил мысль о полной бесконтрольности истории, о стихийности и парадоксальности общественных изменений.

Гуревич П. Хочу сослаться на работы итальянского историка философии Эудженио Гарена. Он, анализируя специфику историзма XIX столетия, пришел к убеждению, что чувство истории как осмысленного и сцепленного потока свершений было присуще, по-видимому, весьма непродолжительному периоду европейской истории философии, примерно от начала XIX века до первой трети XX века. Позже, несмотря на развитие исторических наук, накопление фактов и систематизацию разнообразных сведений, по мнению Э. Гарена, историзм подвергся «демонтажу».

Буева Л. В итоге в современной философии истории, как подчеркивают многие ее представители, не только отвергаются объективные предпосылки исторического движения, но оспаривается также любая попытка опереться на какие-либо постоянно действующие принципы при анализе ведущих тенденций прошлого и особенно современной эпохи. Западные исследователи нередко отказываются связать протекшую историю и настоящее в едином историческом процессе.

Егорова И. Изобилие историософских концепций, различного рода «сценариев», предвещающих появление «новых цивилизаций», одушевлено плодотворной идеей

поливариантности социального развития. Однако заведомо отторгнутые от традиции, от осмысленной, постигаемой логики исторического процесса, эти концепции, по сути дела, прокламируют множественность самых невероятных и непредсказуемых зигзагов истории. В истории укрепляется не открытое, доверительное отношение к общественной динамике, а чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит совлечь человечество в катастрофу.

Гуревич П. Таким образом, историософы говорят сегодня о распаде историзма, о процессе «деисторизации мира», о крушении идеи социального развития. Они пишут о том, что смысл общественной динамики нередко ускользает от них. История, как они подчеркивают, вообще обретает фаталистический оттенок: безмолвствует вопрошаемое бытие, все явственнее проступает скрытая предопределенность событий, маскирующаяся под случайность. Сама идея истории вроде бы изживает себя: грядет эра «постистории».

Буева Л. Однако в современной философии истории обнаруживаются и противоположные тенденции. Они связаны с осмыслением будущего человечества, с поисками нового историософского мышления. Многие проницательные исследователи подчеркивают, что распад историзма связан вовсе не с крахом всех его оснований, а с отторжением изживших себя духовных трафаретов. Отвергается в современном философском сознании не идея протяженности истории во времени, связности и предвидимости ее событий, а преодолевается упрощенный историзм. Возрастает интерес к попыткам постичь направленность всемирной истории, ее истоки и смысл, возникает потребность в более углубленном осознании исторического опыта тысячелетий.

Егорова И. Радикальное преобразование историзма связано с критикой примитивно-эволюционных, линейно-стадиальных схем, отождествляющих общественный процесс с природным, биологическим. Изживается инерция причинно-следственного детерминизма. Разбиваются оковы «неумолимых законов», постоянно выводящих историю на некий магистральный путь. В этой системе рассуждений история оказывается многовариантной, открытой по отношению к живому творчеству цивилизаций, сопряженной с интенсивным культурным созиданием.

Гуревич П. Не кажется ли вам, коллеги, что все это свидетельствует о парадоксальной ситуации в современной философии истории? С одной стороны, традиционная философская мысль демонстрирует полное равнодушие к непреложности общественных событий, к закономерности социальной динамики. При таком подходе как бы устраняется сама идея философского постижения исторических феноменов, ибо объект исследования, по существу, исчезает, размывается. Вместе с тем, с другой стороны, философы пишут сейчас с полным основанием о ренессансе исторического мышления, об обретенном трезвом и мужественном взгляде на социальный процесс, о преодолении канонических воззрений плоскоэволюционного и детерминистского характера.

Буева Л. Мне кажется, эти тенденции лучше всего выражает идея конца истории. Имя американского философа и футуролога Фрэнсиса Фукуямы сохраняет свою популярность на идейном пространстве современной политической философии. Придя в свое время к убеждению, что либеральная демократия окончательно утвердила себя как наиболее эффективный политический режим, Фукуяма возвестил «конец истории». После относительного ухода с исторической арены наследственной монархии, фашизма и коммунизма, похоже, по его словам, определилась окончательная форма правления в человеческом обществе. Разумеется, американский исследователь не считал, что такие стабильные демократии, как США, Франция или Швейцария, могут рассматриваться как идеальные государства, свободные от социальной несправедливости. Но, как полагал Фукуяма, дело не в порочности либеральных принципов, а в неполной пока еще реализации свободы и равенства.

Егорова И. Сама идея «конца истории» у Фукуямы не оригинальна. И Гегель, и Маркс верили, что эволюция человеческих обществ не бесконечна. Она остановится, когда человечество достигнет той формы общественного устройства, которая

удовлетворит его самые глубокие и фундаментальные чаяния. «Концом истории» для Гегеля было либеральное общество, для Маркса — коммунистическое общество. Однако это вовсе не означало, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будет происходить важных событий. Это означало лишь, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены.

Гуревич П. Однако остается открытым вопрос о том, действительно ли в XXI веке имеет смысл говорить о логически последовательной и направленной истории человечества, которая в конечном счете приведет большую часть человечества к либеральной демократии. Оппонентов у Фукуямы достаточно. За последние годы он внес основательные коррективы в свою концепцию, отвечая на вызовы других социологов. Однако он по-прежнему убежден в своей правоте, прибегая к утвердительному ответу на поставленный вопрос по двум причинам: во-первых, осмысливая доводы экономики, во-вторых, обращаясь к тому, что называется «борьбой за признание». Согласно Гегелю, люди, как животные, имеют естественные потребности и желания, направленные вовне, такие, как еда, питье, жилье, а главное — самосохранение. Но человек фундаментально отличается от животных тем, что помимо этого он хотел бы быть «признанным». По Гегелю, дракой двух первобытных бойцов изначально движет жажда признания.

Буева Л. Да, этот феномен может показаться понятием незнакомым, но он так же стар, как позиция западной политической философии. Он является вполне известной стороной человеческой личности. Впервые это явление было описано в «Республике» Платона, когда он заметил, что у души есть три части: желающая часть, разумная часть и та часть, которую он назвал «тимос», или духовность. На протяжении тысячелетий не было адекватного слова, которым можно назвать психологический феномен «жажды признания»: Макиавелли говорил о стремлении человека к славе, Гоббс — о гордости или тщеславии, Александр Гамильтон — о любви к славе и Джеймс Мэдисон — о честолюбии, Гегель — о признании, Ницше — о человеке как «звере, имеющем красные щеки».

Егорова И. Современный мир предлагает весьма заманчивую перспективу, комбинируя материальное процветание рыночных экономик с политической и культурной свободой либеральных демократий. Но модерновость такого рода оказалась труднодостижимой для многих стран мира. На этом пути многие страны не только не развивались, но даже регрессировали. Возможно, институты и ценности либерального Запада вообще не являются универсальными, а представляют только результат культурных особенностей центральной части Северной Европы. Можно утверждать, что политические споры прошлого века касались проблем государства, его силы и влияния. XX столетие прошло через войну, революцию, депрессию и снова войну, либеральный мировой порядок разрушался и само либеральное государство было замещено повсюду в большей части мира на гораздо более высокоцентрализованное и активное.

Гуревич П. Существует ли логика истории? Можно ли говорить о смысле истории? В чем ее истоки и цели? Возможны ли варианты в истории? Куда движется история? Что ждет человечество? Эти вопросы приобретают особую актуальность в неоконсервативной версии истории. Многочисленные и весьма разнообразные по своим внутренним устремлениям концепции истории так или иначе тяготеют к различным социально-политическим течениям. Особенно это относится к неоконсервативной версии истории, которая характеризуется антипрогрессизмом, идеей мозаичности культур, поиском «почвы» и «корней». В начале нового тысячелетия прогнозисты пытаются представить множество вариантов развития истории. В современной философии мысль о том, что история нуждается в разного рода альтернативах, весьма популярна. Трудно смириться с мыслью, что история мчится по заранее проложенным рельсам. Можно ли уйти от «приговоренности»? Выход есть, и он, оказывается, предельно прост: прогнозов

должно быть много. Сонм провозвестий трудно воплотить в действительность, и потому это единственная возможность вернуть истории желаемую альтернативность.

Буева Л. Философы подчас убеждают друг друга: историю можно пригласить в любое приключение идиллического или авантюрного свойства. Не просматривается ли здесь другая крайность? Нередко исторический процесс описывается как вереница случайностей. Он представляется подобным броуновскому движению. В итоге рождается чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит вовлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной, истомившейся жертвой «самоорганизующихся прогнозов». Развертывание всемирной истории предполагает не стирание цивилизационных и культурных особенностей, а сохранение этого своеобразия.

Егорова И. Разумеется, современный мир движется к информационной цивилизации. Но как она будет выглядеть? Не возникнут ли другие проекты будущего? Все ли страны будут вовлечены в этот процесс? Эти вопросы волнуют едва ли не всех современных философов. Если неолбералы предлагают переосмыслить идею прогресса, выявить его многозначность, охарактеризовать его различные критерии, то неоконсервативное сознание принципиально отвергает идею прогресса. История в этой трактовке оказывается не связанной ни истоками, ни конечной целью. Представления, восходящие к античности, объявляются фиктивными. Критикуется само воззрение о поступательности социального развития, о восхождении человечества, о предопределенности и направленности исторического процесса.

Гуревич П. Прежде всего, неоконсерваторы критикуют представление о том, будто история имеет некое начало, обуславливающее ее последующее развитие. Общественная динамика, по их мнению, не содержит никакой предзаданной цели, никакого телеологического смысла. Но нет в ней, как подчеркивают философы этой ориентации, и хайдеггеровской «телеологии с обратным знаком», то есть такой версии истории, когда вершиной оказывается раннее начало. Решительно отвергается идея истока, будто бы заряженного уже последующей судьбой. Таким образом, нередко устраняются понятия цели и смысла, ее этоса, то есть духовного оправдания.

Буева Л. Антипрогрессизм становится важной характеристикой современного неоконсервативного сознания. Многие исследователи противопоставляют идее общественного прогресса теории «локальных» цивилизаций. В результате актуализируется специфическая тематика нелинейного общественного развития. Широкое распространение получают схемы культурного плюрализма, обоснованные в трудах О. Шпенглера, П. Сорокина, А. Тойнби, С. Хантингтона. Предполагается, что социальная динамика может реализоваться в самой невероятной последовательности: в форме круговорота, эпициклов, спиралей, челночных бросков и, наконец, в виде произвольного, хаотического движения.

Егорова И. В этой связи усиливается критика «фаустовского» или даже «прометеевского» духа европейской культуры, которая выдвинула идеал свободной, созидательной и последовательно раскрывающей себя личности. Корень зла нередко усматривается в иудео-христианской религиозной традиции, которая восславляла экспансионизм человека, его готовность сорвать с природы присущий ей ореол священности. Философы этой ориентации рассматривают исторические эпохи как существующие параллельно, независимо друг от друга и выступающие как стойко загерметизированные организмы. Внутри каждой цивилизации возможен и прогресс, и регресс. То, что сегодня расценивается как прошлое, может завтра оказаться поистине перспективным, жизнестроительным.

Гуревич П. Если следовать неисторическому толкованию событий, то поступательный ход исторического времени вообще не имеет никакой цели. Это, кстати, мысль Пауля Тиллиха. Но, действительно, такое сознание не имеет никакой цели — ни внутри истории, ни вне нее. В этом контексте история оказывается «местом», где проживают свою личную жизнь отдельные индивиды. Вообще Тиллих выдвигает,

насколько я помню, три формы неисторического толкования истории: трагическую, мистическую и механистическую. Первая интерпретация обрела законность в древнегреческом сознании. Правда, надо заметить, что это сознание не ограничивается только этой версией. История в этой культуре не знает движения к исторической или трансисторической цели. Она движется по кругу, возвращаясь к своему исходному пункту. Тиллих считал, что ее течение предусматривает генезис, акме и упадок каждого отдельного бытия в определенное для него время и в определенных пределах. Вне этой временной протяженности, установленной роком, или выше его нет ничего.

Егорова И. Мистический путь толкуется и в западной культуре. Например, в неоплатонизме и спиноизме. Но наиболее полного и впечатляющего развития он достиг на Востоке — в индуизме Веданты, даосизме и буддизме. Историческое существование не имеет смысла в самом себе. В истории следует жить и действовать разумно, но сама история не может ни создать чего-либо нового, ни быть истинно реальной.

Буева Л. А механическая версия?

Егорова И. Она, как правило, не разделяет древнегреческого пафоса величия и трагичности исторического существования человека. Еще в меньшей степени ей свойственно толкование истории с позиции той внутренней или трансисторической цели, к которой предположительно движется человеческая история.

Гуревич П. Обсуждение показало, что вопросы философии истории обрели сегодня особую актуальность. В наши дни в социальной философии, к сожалению, не обнаруживает себя то, что Макс Вебер называл чувством многомерности ситуаций или положений. Многие общественные проблемы толкуются в духе прагматической очевидности. Сама история рассматривается как воск или пластилин, из которого можно лепить любые политические конфигурации. Отсутствует беспощадный анализ кризисных и застойных процессов, диагностика революционаризма. Нет всестороннего интереса к общественной жизни, когда она выступает, выражаясь словами Алексея Лосева, как «бурлящая и клокочущая бессмыслица, апофеоз безумия». Исторические факты используются в основном для оправдания политической конъюнктуры, а не корректировки намеченных целей. Между тем история — это не условная сноска для оправдания текущей политики. Она представляет собой диалог между прошлым и будущим. История повторяется, однако она никогда не повторяется в точности. Этически осмысленная антропология выродилась в мизантропологию. Все чаще исследователи толкуют о порочной человеческой природе, что само по себе ставит под сомнение всеобщую историю. Если человек деструктивен, опасен, наделен тяжкими пороками, то история тоже выглядит как арсенал зла и преступлений.

Разумеется, сама идея многообразия социально-исторических путей человечества содержит в себе немало продуктивных и значимых ходов мысли. Однако эти философские воззрения нередко перехватываются политиками для укрепления идеи разобщенности человечества, культивирования цивилизационных стереотипов, закрепляющих «европоцентризм», «азиоцентризм» и т.д. Вместе с тем идея открытости человеческой истории, ее многовариантности несовместима с жестким представлением о неукоснительном схождении всех культурных матриц в некую усредненную точку, символизирующую магистральный путь развития человечества. Навязывание всем народам единого информационного цивилизационного уклада существенно обеднило бы многообразие общественной динамики, не позволило бы реализовать глубинный потенциал различных культур. Последовательно проведенная идея плюрализма истории вовсе не исключает концепции ведущей, державной линии развития человечества, поиска всемирной истории. Но она содержит в себе возможность определенной культурной «резервации», сохранения заповедных зон, внутри которых будет разворачиваться специфическое культурное творчество. Если история многовариантна, принципиально нетелеологична ни у своих истоков, ни в своем движении или возможном завершении,

стало быть, вполне оправданна концепция бережного отношения к различным цивилизационным корням.

На земле множество культур, и каждая из них способна придать всемирной истории неповторимый облик. Чтобы ответить на нынешние геополитические вызовы, нужно вытащить из забвения глубокие пласты мировой истории. Можно говорить о генетической памяти народов. Новейшие события могут затмить прошлое, вызвать новые «совместные» чувства. Но засевшее в генах неистребимо. Русские могут проявить гостеприимство немцам, а те — русским. Но есть разграничительная черта — сливаться они не станут. Крым в свое время находился под владычеством Турции. Так ведь когда все это было — века минули. Во времена турецкого владычества жизнь шла как бы по инерции. Однако сместились торговые пути, преобразилась этническая карта Крыма. Так что янычарская оккупация не забыта, но память о ней живет глубоко в национальной психологии. Разумеется, у каждого государства есть свои национальные интересы. Однако историческое сознание не следует травмировать никакими очевидными конъюнктурными победами. Главное — сохранить некое эмоциональное родство, то, что скрепляло века совместного бытия, чтобы не забросить в генетическую память народов семена вечной вражды и недоверия.

Мы говорили об уроках истории. Подразумевалось научение положительному опыту выживания человечества. Но ведь для иных политиков существует соблазн вылущить из арсенала исторического опыта маккиавелизм, рабство, погромное разрушительство, закабаление людей. История — это диалог настоящего с прошлым и прошлого с настоящим. В истории люди стремились достичь гармонии и совершенства. Но эти попытки несли разочарование. История не включает в себе ни благого промысла, ни очистительного финала. Она является продуктом неиссякаемой творческой деятельности людей.